

Роман Антропов

Гроб с двойным дном

Гений русского сыска И. Д. Путилин

Роман Антропов

Гроб с двойным дном

«Public Domain»

1903

Антропов Р. Л.

Гроб с двойным дном / Р. Л. Антропов — «Public Domain»,
1903 — (Гений русского сыска И. Д. Путилин)

«Путилин ходил из угла в угол по своему кабинету, что с ним бывало всегда, когда его одолевала какая-нибудь неотвязная мысль. Вдруг он круто остановился передо мной. – А ведь я его все-таки должен поймать, доктор!– Ты о ком говоришь? – спросил я моего гениального друга.– Да о ком же, как не о Домбровском! – с досадой вырвалось у Путилина...»

Содержание

Глава I. Гений зла	5
Глава II. Путилин провожает мошенника	9
Глава III. Исчезнувший покойник	11
Глава IV. Станный заказчик	13
Глава V. Изумруд с крестом	15
Глава VI. Путилин заболел	18
Глава VII. Итальянский ученый	20

Роман Лукич Антропов

Гроб с двойным дном

Глава I. Гений зла

Путилин ходил из угла в угол по своему кабинету, что с ним бывало всегда, когда его одолевала какая-нибудь неотвязная мысль. Вдруг он круто остановился передо мной. – А ведь я его все-таки должен поймать, доктор!

– Ты о ком говоришь? – спросил я моего гениального друга.

– Да о ком же, как не о Домбровском! – с досадой вырвалось у Путилина. – Целый год, как известно, он играет со мной, как кошка с мышкой. Много на своем веку видел я отъявленных и умных плутов высокой марки, но признаюсь тебе, что подобного обер-плута еще не встречал. Гений, ей Богу, настоящий гений! Знаешь, я искренно им восхищаюсь.

– Что же тебе, Иван Дмитриевич, особенно должна быть приятна борьба с этим господином, так как вы – противники равной силы.

– Ты ведь только вообрази, – продолжал Путилин, – сколько до сих пор нераскрытых преступлений этого короля воров и убийц лежит на моей совести! В течение одиннадцати месяцев – три кражи на огромную сумму, два убийства, несколько крупных мошеннических дел-подлогов. И все это совершено одним господином Домбровским! Он – прямо неуловим! Знаешь ли ты, сколько раз он меня оставлял в дураках? Я до сих пор не могу без досады вспомнить, как он провел меня в деле похищения бриллиантов у ювелира Г. Как-то обращается ко мне этот известный ювелир с заявлением, что из его магазина началось частое хищение драгоценных вещей: перстней, булавок, запонок с большими солитерами¹ огромной ценности.

– Кого же вы подозреваете, господин Г.? – спросил я ювелира.

– Не знаю, прямо не знаю, на кого и подумать. Приказчики мои – люди испытанной честности и, кроме того, ввиду пропаж, я учредил за всеми самый бдительный надзор. Я не выходил и не выхожу из магазина, сам продаю драгоценности, и... тем не менее, не далее, как вчера, у меня на глазах, под носом, исчез рубин редчайшей красоты. Ради Бога, помогите, господин Путилин!

Ювелир чуть не плакал. Я решил взяться за расследование этого загадочного исчезновения бриллиантов.

– Вот что, любезный господин Г., не хотите ли вы взять меня на несколько дней приказчиком? – спросил я его.

Он страшно, бедняга, изумился.

– Как?! – сразу не сообразил он.

– Очень просто: мне необходимо быть в магазине, чтобы следить за покупателями. Как приказчику – это чрезвычайно будет удобно.

На другой день великолепно загримированный я стоял рядом с ювелиром за зеркальными витринами, в которых всеми цветами радуги переливались драгоценные камни.

Я не спускал глаз ни с одного покупателя, следя за всеми их движениями. Вечером я услышал подавленный крик отчаяния злополучного ювелира.

– Опять, опять! Новая пропажа!

– Да быть не может? Что же исчезло?

– Булавка с черной жемчужиной!

¹ Солитер – крупный бриллиант, вправленный в ювелирное изделие обособленно от других камней.

Я стал вспоминать, кто был в этот день в магазине. О, это была пестрая вереница лиц! И генералы, и моряки-офицеры, и штатские денди, и великосветские барыни, и ливрейные лакеи, являвшиеся с поручениями от своих знатных господ.

Стало быть, среди этих лиц и сегодня был страшный, поразительно ловкий мошенник. Но в каком виде явился он? Признаюсь, это была нелегкая задача...

На другой день я получил по почте письмо. Помню его содержание наизусть. Вот оно:

«Любезный господин Путилин! Что это вам пришла за странная фантазия обратиться в приказчика этого плута Г.? Это – не к лицу гениальному сыщику. Ваш Домбровский».

Когда я показал это письмо ювелиру, он схватился за голову.

– Домбровский?!.. О, я погиб, если вы не спасете меня от него. Это не человек, а дьявол! Он разворует у меня постепенно весь магазин!..

Прошел день без кражи. Я был убежден, что гениальный мошенник, узнав меня, не рискнет больше являться в магазин и что его письмо – не более, как дерзкая бравада.

На следующий день, часов около пяти, к магазину подкатила роскошная коляска с ливрейным лакеем на козлах.

Из коляски вышел, слегка прихрамывая и опираясь на толстую трость с золотым набалдашником, полуседой джентльмен – барин чистейшей воды. Лицо его дышало истым благородством и доброжелательностью.

Лишь только он вошел в магазин, как ювелир с почтительной поспешностью направился к нему навстречу.

– Счастлив видеть ваше сиятельство... – залепетал он.

– Здравствуйте, здравствуйте, любезный господин Г., – приветливо-снисходительно бросил важный посетитель. – Есть что-нибудь новенькое, интересное?

– Все, что угодно, ваше сиятельство.

– А, кстати: я хочу избавиться от этого перстня. Надоед он мне что-то. Сколько вы мне за него дадите?

Ювелир взял перстень. Это был огромный солитер дивной воды. Г. долго его разглядывал.

– Три тысячи рублей могу вам предложить за него... – после долгого раздумья проговорил он.

– Что? – расхохотался старый барин. – За простое стекло – три тысячи рублей?

– То есть как за стекло? – удивился ювелир. – Не за стекло, а за бриллиант.

– Да бросьте: это лондонская работа. Это – поддельный бриллиант. Мне подарил его мой дядюшка князь В. как образец заграничного искусства подделывать камни.

Злополучный ювелир покраснел, как рак. Его, его, величайшего знатока-специалиста пробуют дурачить!

– Позвольте, я его еще хорошенько рассмотрю.

Он стал проделывать над бриллиантом всевозможные пробы, смысл и значение которых для меня, как для профана, были совершенно темны, непонятны.

– Ну что, убедились? – мягко рассмеялся князь.

– Убедился... что это – бриллиант самый настоящий и очень редкой воды.

Выражение искреннего изумления отразилось на лице князя.

– И вы не шутите?

– Нимало. Неужели вы полагаете, что я не сумею отличить поддельного камня от настоящего?

– И вы... вы согласны дать мне за него три тысячи рублей?

– И в придачу даже вот эту ценную по работе безделушку, – проговорил Г., подавая князю булавку с головкой-камеей тонкой работы.

– А, какая прелесть!.. – восхищенно вырвалось у князя. – Ну-с, monsieur Г., я согласен продать вам этот перстень, но только с одним условием.

– С каким, ваше сиятельство?

– Во избежание всяческих недоразумений, вы потрудитесь дать мне расписку, что купили у меня, князя В., перстень с поддельным бриллиантом за три тысячи рублей.

– О, с удовольствием! – рассмеялся ювелир. – Вы извините меня, ваше сиятельство, но вы большой руки шутник!

Расписка была написана и вручена князю. Он протянул Г. драгоценный перстень.

– Сейчас я тороплюсь по делу. Через час я заеду к вам. Вы подберите мне что-нибудь интересное.

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

Вскоре коляска отъехала от магазина ювелира.

Прошло минут пять. Я заинтересовался фигурой какого-то господина, очень внимательно разглядывающего витрину окна.

Вдруг яростный вопль огласил магазин.

Я обернулся. Злосчастный ювелир стоял передо мной блее полотно.

– Господин Путилин... господин Путилин... – бессвязно лепетал он.

– Что такое? Что с вами! Что случилось? – спросил я недоумевая.

– Фальшивый... фальшивый! – с отчаянием вырвалось у Г.

– Как фальшивый? Но вы же уверяли, что это – настоящий бриллиант?..

Ювелир хватался руками за голову.

– Ничего не понимаю... ничего не понимаю... Я видел драгоценный солитер, который, вдруг, сразу превратился в простое стекло.

Зато я все понял. Этот князь В. был никто иной, как Домбровский. У гениального мошенника было два кольца, капля в каплю похожие одно на другое. В последнюю минуту он всучил ювелиру не настоящий бриллиант, а поддельный.

Путилин опять прошелся по кабинету.

– А знаешь ли ты, что третьего дня опять случилась грандиозная кража? У графини Одинцовой похищено бриллиантов и других драгоценностей на сумму около 400000 рублей! Недурно?

– Гм... действительно, недурно, – ответил я. – И ты подозреваешь...

– Ну, разумеется, его. Кто же, кроме Домбровского, может с таким совершенством и блеском ухитриться произвести такое необычайное хищение! Кража драгоценностей произошла во время бала. Нет ни малейшего сомнения, что гениальный вор находился в числе гостей, ловким образом проник в будуар графини и гам похитил эту уйму драгоценностей.

– И никаких верных следов, друже?

– Пока – никаких. Общественное мнение страшно возбуждено. «В высших инстанциях» несколько косятся на меня. Мне было поставлено на вид, что ожидали и ожидают от меня большего, что нельзя так долго оставлять на свободе, разысканным, такого опасного злодея. Откровенно говоря, все это меня страшно волнует.

– Попробовали бы они сами разыскать подобного дьявола... – недовольно проворчал я, искренно любивший моего друга.

– Но, клянусь, что я еще не ослаб и что я во что бы то ни стало поймаю этого господина! – слегка стукнул ладонью по столу Путилин.

Раздался стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Путилин.

Вошел дежурный агент и с почтительным поклоном подал ему элегантный конверт.

– Просили передать немедленно в собственные руки вашему превосходительству.

- Кто принес, Жеребцов? – быстро спросил Путилин.
- Ливрейный выездной лакей.
- Хорошо, ступайте.

Путилин быстро разорвал конверт и стал читать. Я не сводил с него глаз и вдруг заметил, как краска гнева бросилась ему в лицо.

- Ого! Это, кажется, уж чересчур! – резко вырвалось у него.
- В чем дело, друже?
- А вот прочти.

С этими словами Путилин подал мне элегантный конверт с двойной золотой монограммой. Вот что стояло в письме:

«Мой гениальный друг!

Вы дали клятву поймать меня. Желая прийти Вам на помощь, сим извещаю Вас, что сегодня, ровно в три часа дня, я выезжаю с почтовым поездом в Москву по Николаевской железной дороге. С собою я везу все драгоценности, похищенные мною у графини Одницовой. Буду весьма польщен, если Вы проводите меня.

Уважающий Вас Домбровский».

Письмо выпало у меня из рук. Я был поражен, как никогда в моей жизни.

- Что это: шутка, мистификация?
- Отнюдь нет. Это правда.
- Как?!

– Я отлично знаю почерк гениального мошенника. Это один из его блестящих и смелых трюков. Домбровский любит устраивать неожиданные выпады.

– А ты не предполагаешь, что это сделано с целью отвода В то время, когда мы будем его караулить на Николаевском вокзале, он благополучно удерет в иное место. Путилин усмехнулся.

– Представь себе, что нет. Он, действительно, если только мне не удастся узнать его, непременно уедет с этим поездом и непременно по Николаевской дороге. О, ты не знаешь Домбровского! Неужели ты думаешь, что если бы это был обыкновенный мошенник, я не изловил бы его в течение года? В том-то и дело, что он равен мне по силе, находчивости, дерзкой отваге. Он устраивает такие хода, какие не устраивал ни один шахматный игрок мира.

Путилин взглянул на часы.

Стрелка показывала половину второго.

– Я принимаю вызов. Браво, Домбровский, честное слово, это красивая игра! – возбужденно проговорил мой друг. – Итак, до отхода поезда остается полтора часа... Гм... немного...

Глава II. Путилин провожает мошенника

На Николаевском вокзале в то время не царило при отходе поездов того сумасшедшего движения, какое вы наблюдаете теперь. Пассажиров было куда меньше, поезда ходили значительно реже.

Было без сорока минут три часа, когда я спешно подъехал к Николаевскому вокзалу.

Почти сейчас же приехал и Путилин.

Железнодорожное, вокзальное начальство, предупрежденное очевидно, о его приезде, встретило Путилина.

– Вы распорядились, чтобы несколько задержали выпуск пассажиров в поезд? – спросил он начальника станции.

– Как же, как же. Все двери заперты. Могу поручиться, что ни один человек незаметным образом не проникнет в вагоны.

Путилин, сделав мне знак, пошел к выходу на перрон вокзала. Поезд, уже готовый, только еще без паров, был подан. Он состоял из пяти вагонов третьего класса, двух вагонов второго и одного – первого класса, не считая двух товарных вагонов.

– Надо осмотреть на всякий случай весь поезд... – задумчиво произнес Путилин.

Мы обошли все вагоны. Не было ни одного уголка, который не был бы осмотрен нами.

Увы, поезд был пуст, совершенно пуст!

Мы прошли всем дебаркадером. Всюду стояли жандармы, оберегая выходы и входы.

У каждого вагона находились опытные агенты, мимо которых должны были пройти пассажиры.

– У дверей третьего класса в момент выпуска публики будет стоять Х. О, он молодчина! Он не пропустит ни одного подозрительного лица... – возбужденно проговорил Путилин.

Мы вернулись в зал первого класса.

Тут было не особенно много пассажиров. Мой друг зорко всматривался в лица мужчин и женщин, одетых по-дорожному, с традиционными сумками через плечо.

Особенное внимание привлекал высокий рыжий господин с огромными бакенбардами, с чемоданом в руках.

Это был тип англичанина-туриста.

– Пора выпускать публику садиться в вагоны! – незаметно шепнул начальник станции.

– Выпускайте! – также тихо ответил Путилин.

Путилин встал у выходных дверей, не спуская пристального взора с выходящих пассажиров. Прошел один, другой, третья...

– Скажите, пожалуйста, который час? – по-английски обратился Путилин к высокому рыжему джентльмену.

Тот удивленно вскинул на него глазами.

– Виноват, я не понимаю, что вы говорите! – холодно бросил он.

Пассажиров больше не оставалось.

Дверь была моментально заперта на замок и отдан был приказ выпускать «с осмотрительностью».

Публика почти вся уже расселась по вагонам.

– Его нет! – на ходу бросил Путилину Х, дождавшийся выпуска последнего пассажира из зала третьего класса.

– Садитесь при последнем звонке в вагон первого класса, там – рыжий господин с черным большим чемоданом. Не спускайте с него глаз. Следуйте по пятам. Мы будем обмениваться депешами, – тихо проговорил Путилин.

Поезд был наполнен.

Под предлогом, что кем-то из пассажиров обронен ридикюль с ценными вещами, агенты, кондукторы и жандармы вновь самым тщательным образом обшарили весь поезд. Путилин, якобы муж потерявшей ридикюль дамы, сопровождал их.

Результат был тот же: Домбровского в поезде не было, если только рыжий... До отхода поезда оставалось около девяти минут.

Когда Путилин, с довольной усмешкой обследовав все вагоны, выходил из последнего, своды дебаркадера огласились звуками стройного похоронного пения. Четыре здоровенных факельщика несли большой гроб лилового бархата.

Он в их руках мерно и тихо колыхался.

За гробом шла женщина в трауре, горько, безутешно рыдавшая. Ее истеричный плач, полный тоски, ужаса глухо раздавался под сводами вокзала.

Следом шли певчие, в кафтанах с позументами.

– Куда, в какой вагон вносить? – спросили начальника станции двое черных факельщиков, несших гроб.

– Да вот прямо – в траурный, не видите разве? – недовольно буркнул начальник станции. – Точно в первый раз.

Гроб внесли в вагон. Вновь раздалось заунывное пение.

Путилин, человек в высокой степени религиозный, стоял у печального вагона без шляпы на голове.

Чувствительный и добрый, как все талантливые, благородные люди, он с искренним соболезнованием обратился к даме в трауре.

– Простите, сударыня... Вы так убиваетесь... Кого вы потеряли?

И Путилин указал на гроб, вносимый в траурный вагон. Прелестные, заплаканные глаза молодой женщины посмотрели сквозь черный креп на Путилина.

– Мужа... Я потеряла мужа, моего дорогого мужа.

Она заломила в отчаянии руки и, поддерживаемая каким-то почтенным седым господином, вошла в вагон 1-го класса.

– Третий звонок, – отдал приказ начальник станции.

– «Со святыми упоко-о-ой»... – грянули певчие под звуки станционного дребезжащего колокола.

Поезд стал медленно отходить.

Глава III. Исчезнувший покойник

Я еще никогда не видел моего друга в таком странном состоянии духа, как тогда, когда мы возвращались в карете с вокзала. Моментами – он казался темнее тучи; моментами – лицо его освещалось довольной улыбкой.

Он не проронил ни слова.

Только тогда, когда карета свернула в какой-то переулок неподалеку от управления сыскной полиции, он обратился ко мне:

– Сегодняшний вечер и сегодняшняя ночь должны кое-что выяснить. Если ты хочешь присутствовать при всех перипетиях моей решительной борьбы с этим дьяволом, то приезжай часов в семь ко мне в управление. Я ожидаю важные донесения.

Сделав несколько визитов по больным, наскоро переодевшись и закусив, я ровно в семь часов входил в служебный кабинет моего друга.

– Ну, что?

– Пока ничего... – сумрачно ответил Путилин.

Мы стали беседовать о некоторых случаях из криминальной хроники Парижа.

– Деша! – вытянулся курьер перед Путилиным. Путилин нервно вскрыл ее.

– Проклятие! – вырвалось у него.

«Мы напали на ложный след. Черный чемодан не принадлежит! Домбровскому. Жду ваших распоряжений», – стояло в телеграмме.

Путилин черкнул на листе бумаги:

«Следуйте дальше, вплоть до Москвы».

Беседа о некоторых чудесах антропологии прервалась.

Путилин сидел в глубокой задумчивости. Вдруг он вскочил с места и как исступленный забегал по кабинету.

– Дурак! болван! старый осел! прозевал! прозевал! – вырвалось у него.

Он, казалось, готов был вырвать все свои волосы. Он – мой дорогой, уравновешенный друг – был прямо страшен. Я невольно вскочил и бросился к нему.

– Ради Бога, что с тобой?! Что случилось?

– Случилось то, что мы с тобой, действительно, проводили Домбровского. Я даже с ним, представь, раскланялся.

– Так почему же ты его не арестовал?

Путилин не слушал меня. Быстрее молнии он написал несколько слов на бумаге.

– Дешу, скорее отправлять! Постойте, вот вторая! Да стойте, черт вас возьми, вот третья!

Я ровно ничего не понимал, у меня, каюсь, даже мелькнула мысль: не сошел ли с ума мой гениальный друг.

– Скорее ко мне Юзефовича.

Через несколько секунд в кабинет вошел маленький, юркий человечек. Путилин что-то шепнул ему на ухо.

– Через сколько времени?

– Да так, часа через два, три. Мы остались вдвоем.

Путилин подошел ко мне и, опустив руку на плечо, проговорил:

– Я посрамлен. Гениальный мошенник сыграл со мной поразительную штуку. Он одел мне на голову дурацкий колпак. Но помни, что за это я дам ему настоящий реванш. А теперь я тебе вот что скажу: содержание тех телеграмм, которые я сейчас получаю, для меня известны.

Прошло несколько минут.

Я, заинтересованный донельзя, весь обратился во внимание.

- Дешеша! – опять вытянулся перед Путилиным курьер.
- Им подай! – приказал Путилин. – Ну, докториус, вскрывай и читай!

«Начальнику сыскной полиции, его превосходительству господину Путилину. Сим доношу вам, что следовавшая за покойником дама в трауре бесследно исчезла из вагона 1-го класса, в котором ехала. Осталось только несколько забытых ею вещей. Куда делась – неизвестно. Начальник станции Z. и агент X».

Телеграмма была отправлена со станции «Боровенки». Время получения – 10 час. 38 мин. вечера.

– Что это значит? – обратился я, удивленный, к Путилину. Путилин был бледен от бешенства до удивительности.

– Это значит только то, что ты вскрыешь очень скоро новую депешу.

Действительно, через полчаса, а может и больше, нам подали новую депешу.

«Случилось необычайное происшествие. Обеспокоенный внезапным исчезновением дамы в трауре, я по приезде поезда на следующую станцию вошел в вагон с покойником. Дверь вагона была настежь открыта. Крышка гроба валялась на полу. Гроб оказался пустым. Покойник украден. Что делать? Агент X.»

Я захлопал глазами.

Признаюсь откровенно, у меня даже волосы встали дыбом на голове.

– Как покойник украден? – пролепетал я. – Кому же надо красть покойника?..

– Бывает... – усмехнулся Путилин, быстро набрасывая слова на бумагу.

– Дешеша! – опять выросла перед нами фигура курьера.

– Что ж, читай уж до конца мою сегодняшнюю страшную корреспонденцию! – просил мой друг.

«Благодарю вас за то, что вы меня проводили. От вас, мой друг, я ожидал большей находчивости. Я сдержал свое слово: вы проводили меня. Искренно вас любящий Домбровский».

– Понял ты теперь или нет? – бешено заревел Путилин, комкая в руках депешу.

От всей этой абракадабры у меня стоял туман в голове.

– Ровно ничего не понижаю... – искренно вырвалось у меня. Секретный шкаф открылся.

Перед нами стоял Юзефович. – Ну?!

– Он здесь. Я привел его.

– Молодец! Впусти.

Дверь отворилась и в кабинет робко, боязливо вошел невысокий человек в барашковом пальто-бекеше.

Глава IV. Странный заказчик

- Вы содержатель гробового заведения Панкратьев? – быстро спросил Путилин.
- Я, ваше превосходительство! – почтительно ответил он.
- Расскажите, как было дело!
- Было это четыре дня тому назад, – начал гробовщик. – Час уже был поздний, мастерская была закрыта. Мы спешно кончали гроб. Вдруг через черный вход входит господин, отлично одетый.
- Вы хозяин? – обратился он ко мне.
- Я-с. Чем могу служить?
- Я приехал заказать вам гроб.
- Хорошо-с. А к какому сроку вам требуется его изготовить?
- Да как успеете... – ответил поздний посетитель. – Я хорошо заплачу.
- А вам для кого гроб требуется, господин? – обрадованный посулом щедрой платы, спросил я.
- Для меня! – резко ответил он.
- Я вздрогнул, а потом скоро сообразил: ну, конечно, шутит господин.
- Шутить изволите, хе-хе-хе, ваше сиятельство!
- А он так и вонзился в меня своими глазами.
- Я, любезный, нисколько не шучу с вами! вам нужна мерка? Так потрудитесь снять ее с меня. Не забудьте припустить длину гроба, потому что, когда я умру, то, конечно, немного вытянусь.
- Я-с, признаюсь, ваше превосходительство, нехорошо себя почувствовал, даже побелел весь, как потом мне рассказывала жена и подмастерье. Оторопь, жуть взяли меня. Первый раз в жизни моей приходилось мне для гроба снимать мерку с живого человека.
- Однако, делать нечего, взял я трясущимися руками мерку и стал измерять важного господина.
- Когда покончил я с этим, он и говорит:
- Сейчас я вам объясню, какой я желаю гроб, а пока... нет ли у вас какого-нибудь готового гроба, чтобы я мог кое-что сообразить?..
- Я указал ему на гроб, который мы уже обтягивали глазетом².
- Посетитель подошел и полез в него.
- Дайте подушку! – строго скомандовал он.
- Агаша! Давай подушку свою! – приказал я жене.
- Та, со страхом, тихонько крестясь, подала мне подушку. Через секунду посетитель лежал, вытянувшись в гробу.
- Дайте крышку! – приказал он. – Прикройте меня ею!..
- Поверите ли, как стал я закрывать гроб крышкой, аж зубы у меня защелкали. Что, думаю, за диво такое? Уж не перехватил ли я, грешным делом, лишнего сегодня с приятелем-гробовщиком в погребке, уж не снится ли мне страшный сон? Даже за нос свой, ваше превосходительство, себя ущипнул.
- Отлично! – громко вскричал важный господин, вылезая из гроба.
- Про... Прочная работа... – заикнулся я.
- Ну-с, любезный хозяин, теперь я вам объясню, какой гроб вы должны мне сделать. Прежде всего – вы должны сделать гроб мне с двойным дном.
- Как с двойным дном?! – попятился я.

² Глазет – парча с цветной шелковой основой и вытканными на ней золотыми и серебряными узорами.

– Очень просто, именно с двойным дном. Разве вы не знаете, что такое двойное дно? На первом дне буду лежать я, а подо мной должно находиться пустое пространство, сиречь – второе дно. Ширина его не должна быть большая... Так, примерно, вершка³ в три, четыре. Поняли?

– П... понял... – пролепетал я.

– Затем в крышке гроба, в уровень с моим лицом, вы вырежете три дырочки-отверстия: две – для глаз, одну – для рта. Сверху вы прикроете их кусочками-кружочками из бархата. Вы примерьте-ка лучше, любезный!

Господин вновь влез в гроб. Я, накрыв его крышкой, мелом очертил на ней, где должны быть дырочки для глаз, для рта.

– Затем, и это весьма важно, вы должны поставить в углах крышки такие винтики, чтобы покойник, в случае, если бы он захотел, мог совершенно свободно отомкнуть завинченную крышку. Поняли? Гроб обейте лиловым бархатом. Ну-с, сколько вы возьмете с меня за такой гроб?

Я замкнулся. Сколько с него заломить при такой okazji? Барин чудной, богатый, видно.

– Не знаю, право, ваше сиятельство... – пробормотал я.

– Пятьсот рублей довольно будет? – улыбнулся он, вынимая из толстого бумажника пять радужных.

Я, обрадованный, спросил, куда они прикажут доставить гроб.

– Я сам за ним заеду, любезный. Если все хорошо сделаете, я прибавлю вам еще пару таких же билетов. До свидания.

Когда он ушел, мы долго с женой и подмастерьем обсуждали это необычайное, можно сказать, посещение и этот диковинный заказ. Жена моя – женщина нрава решительного – выхватила у меня деньги и прикрикнула на меня: Ну, о чем ты сусолишь? Тебе-то что? Мало ли какие затеи приходят в голову сытым господам? Пшел стругать гроб! Ну, а дальше что, Панкратьев? – спросил Путилин. Через сутки, к вечеру, приехал этот господин, гробом остался доволен, дал, как обещался, две радужных и увез гроб с собою. Ступайте! Вы свободны! – отрывисто бросил Путилин.

– Покорнейше благодарим, ваше превосходительство! – кланяясь чуть не до земли, радостно проговорил гробовщик, пятясь к дверям.

Когда мы остались одни, Путилин искренно и восторженно проговорил:

– Помилуйте Бог, какой молодец! Тот день, когда я его поймаю, будет днем моего наивысшего торжества!..

³ **Вершок** – стиран русская мера длины, равная 4,4 см.

Глава V. Изумруд с крестом

Прошло несколько дней.

Необыкновенное приключение с таинственным гробом, из которого во время хода поезда исчез покойник, стало известным петербургской, вернее, всей русской публике и породило самые разноречивые и нелепые толки.

– Вы слышали страшную историю с гробом! Покойник убежал!

– Ну, уж это вы извините, покойники не бегают.

– Но позвольте, это же факт, что гроб оказался пустым?

– Из этого следует, что покойника выкрали.

– Но с какой целью?

– Весьма возможно, что покойник имел на себе драгоценности... Мошенники пронюхали об этом, проникли в вагон, и...

– Обокрали его? Прекрасно. Но зачем же им, мошенникам, мог понадобиться сам покойник? Ведь это – лишняя и страшная обуза.

Такие и в подобном роде разговоры можно было услышать везде. Стоустая молва, по обыкновению, все преувеличивая, перевирая и сдабривая своей досужей фантазией, создала целую чудовищную легенду о появлении какой-то страшной, таинственной шайки «мистических» злодеев, выкрадывающих для ритуальных целей покойников из гробов.

Дело дошло до того, что во время похорон родственники, прежде чем гроб их близкого опускали в могилу, требовали, чтобы перед опусканием крышка его была вновь открыта, дабы убедиться, что гроб не пуст!

Путилин был в подавленном состоянии духа.

Раскрыть истинный смысл чудесного происшествия с гробом он, в интересах дела, не мог.

– Хорошенькую кутерьму поднял этот негодяй! – ворчал он. – Воображаю, как хохочет он теперь!..

Доставленный немедленно в сыскную полицию – под строжайшим инкогнито! – виновник всей кутерьмы, гроб с двойным дном, был тщательно исследован.

В то время, как мой друг обшаривал пространство, находящееся между первым дном и вторым – потайным, я услышал его подавленно-радостный крик: – Ага! Хоть что-нибудь, хоть что-нибудь найдено...

– В чем дело? – спросил я, удивленный.

– Смотри!

Путилин держал в руке огромный изумруд. Этот драгоценный камень необычайной величины и красоты, принадлежал к породе редчайших кабошонов⁴ – изумрудов.

Внутри его, по странной игре природы, совершенно ясно виднелся крест.

Не успели мы как следует осмотреть его, как вошел курьер и подал Путилину депешу:

*«Спешу предупредить вас, мой гениальный друг, что я вчера благополучно прибыл в Петербург. Весь – в вашем распоряжении и к вашим услугам.
Домбровский».*

– Это уж чересчур! – вырвалось у меня.

– Начинается вторая стадия борьбы... – усмехнулся Путилин. – Ты свободен? – после десятиминутного раздумья спросил он меня.

– Совершенно.

⁴ Кабошон – камень с особой формой шлифовки (с сильно выпуклой одной стороной линзы или полусферы).

– Поедем, если хочешь, вдвоем. В одном месте ты меня подождешь, в другое – мы войдем вместе.

Наша карета остановилась около роскошного барского особняка на аристократической С-ой улице.

Путилин скрылся в подъезде.

Теперь, для плановости рассказа о знаменитых похождениях моего друга, я вам воспроизведу ту сцену, о которой позже рассказывал он мне.

Путилин поднялся по дивной лестнице в бельэтаж. Дверь подъезда распахнул ливрейный швейцар, а дверь квартиры – лакей в безукоризненном фраке.

– Графиня дома? – спросил Путилин.

– Их сиятельство дома...

Через минуту Путилин был принят графиней.

– Скажите, графиня, это ваш изумруд? – показывая ей замечательный «кабошон», спросил он.

Крик радости вырвался из груди графини.

– Мой, мой! Боже, monsieur Путилин, стало быть, вы нашли мои драгоценности?!

– Увы, графиня, пока еще я не нашел ни драгоценностей, ни их похитителя. Но, кто знает, может быть скоро мне это удастся. Я к вам с просьбой.

– В чем дело?

– Разрешите мне от вашего имени сделать газетные публикации, приблизительно такого рода: «Графиня Одинцова сим объявляет, что тот, кто разыщет и доставит ей похищенный в числе многих ее драгоценностей крупный изумруд, в котором виднеется крест и составляющий фамильную редкость, переходящую из рода в род Одинцовых, получит в награду сто тысяч рублей».

– Как!? – в сильнейшем недоумении вырвалось у графини. – Но, ведь, изумруд найден. Вот он – в моих руках. К чему же тогда объявление? И потом – эта огромная награда... Я ровно ничего не понимаю.

– Успокойтесь, графиня... – усмехнулся Путилин. – Спешу успокоить вас, что на самом деле вам никому не придется платить ни копейки. Это объявление нужно мне для особых целей, мотивы которых я не буду сейчас приводить вам.

– О, в таком случае – пожалуйста, пожалуйста...

Путилин вышел от графини и сел в карету, в которой я его поджидал.

– Гм... – несколько раз вырвалось у него в раздумьи. Карета остановилась около лавки, на вывеске которой был изображен гроб и стояла надпись: «Гробовое заведение Панкратьева».

– Сюда мы можем войти вместе! – обратился ко мне мой друг. В мастерской гробовщика заказчиков не было.

Из находящейся рядом комнаты выскочил на звонок гробовщик Панкратьев и при виде Путилина побледнел как полотно.

– Ну, любезнейший, я к тебе в гости! – тихо проговорил Путилин.

– Ваше... превосходительство... – пролепетал дрожащим голосом злосчастный гробовщик.

– Придется тебе теперь расплачиваться, голубчик!

– Ваше превосходительство, не погубите! Видит Бог, я тут не при чем? Польстился на деньги, сделал этот проклятый гроб с двойным дном, а для какой надобности – и сам не знаю. Грех, за него теперь и отвечай...

Путилин рассмеялся.

– Ну, так вот слушай теперь, Панкратьев. В наказание за этот грех я назначаю тебе такую кару: к завтрашнему дню ты должен мне изготовить новый гроб и тоже с двойным дном.

У гробовщика зашевелились волосы на голове. Он даже попятился от Путилина.

– К-как-с? Опять-с гроб с двойным дном?!

Признаюсь, и я был удивлен не менее гробового мастера. Что за странная фантазия пришла в голову моему гениальному другу?

– Опять. И опять с двойным дном, – продолжал Путилин. – Только на этот раз дно второе должно быть несколько иное. Слушай теперь мой заказ. Покойник должен лежать не наверху, а в пространстве между первым дном и вторым. Поэтому, дабы гроб казался не уродливо-большим, а обыкновенным и – запомни это! – точь-в-точь таким же, как и тот, который ты сработал щедрому заказчику, ты сделай вот как: первое дно подыми как можно выше, тогда пространство между двумя днищами будет настолько широкое, что туда можно будет вполне спокойно уместить покойника. Понял?

– Так... точно... – безумевшим от страха голосом пролепетал гробовщик.

– Затем, первое дно почти совсем не прикрепляй. Сделай так, чтобы покойник, если ему придет фантазия, мог совершенно свободно выскочить из гроба. В этом фальшивом первом дне просверли такие же отверстия, которые ты сделал в крышке первого гроба. И попомни, Панкратьев: если хоть одна собака узнает, какой гроб ты мастеришь, я тебя туда упеку, куда Макар телят не гонял! Все сам делай; подмастерья не допускай к работе, жене своей – ни-гу-гу! За гробом я пришлю завтра сам и, конечно, – со смехом добавил Путилин, – за него ровно ничего тебе не заплачу, ибо ты за первый гроб довольно уж содрал.

Глава VI. Путилин заболел

На другой день утром, проглядывая газеты, я натолкнулся на объявление графини Одиной, которое вы уже знаете, но которого я в то еще время не знал. Я подивился нимало.

«Как? – думал я. – Но ведь этот разыскиваемый изумруд – тот самый, который мой друг нашел вчера в потайном отделении таинственного гроба. Вот так штука! Воображаю, как обрадуется Путилин несчастную потерпевшую графиню!»

Вдруг мой взор упал на статью с жирным крупным заголовком:

«К ТАИНСТВЕННОЙ ИСТОРИИ С ГРОБОМ И ИСЧЕЗНУВШИМ ИЗ НЕГО ПОКОЙНИКОМ»

С живейшим любопытством я погрузился в чтение этой статейки. Приведу ее содержание:

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы в свое время явным. Мы очень рады, что можем первые разгадать то таинственное приключение с гробом, о котором не перестает говорить столица и кажется, что читатели оценят наши старания пролить свет на это мрачное, темное дело. Оказывается, в гробе, который во время следования поезда вдруг оказался пустым, находился вовсе не мертвец, а... „живой покойник“. Этот живой покойник – знаменитый мошенник и убийца Д., придумавший этот дьявольски остроумный способ бегства с целью избежать захвата ареста агентами, поджидавшими злодея на всех вокзалах. Увы, наш талантливый „русский Лекок“, господин Путилин, на этот раз оказался не на высоте своего исключительного дарования. Он посрамлен гениальным мошенником. Гроб, доставленный в сыскную полицию, оказался самым обыкновенным, и только на крышке его обнаружены были дырки, ловко замаскированные бархатом, через которые преступник дышал. В гробу ровно ничего не найдено. В настоящее время как редчайшее уголовно-криминальное орудие гроб помещен в „музей“ сыскного отделения. Мы имели случай его осматривать. Вследствие пережитых волнений с господином Путилиным сделался нервный удар. Состояние здоровья его внушает серьезные опасения».

Когда я прочел это, то даже вскочил и долго не мог прийти в себя от изумления.

– Что это такое?! Как могли господа газетчики пронюхать об этом деле, которое держалось в безусловной тайне, в строжайшем секрете? И потом – главное – откуда они взяли, что с Путилиным сделался нервный удар?

– А что если, действительно, с ним сделалось вечером нехорошо? – мелькнула у меня тревожная мысль. – Ведь мы расстались около четырех часов дня, после гробовщика.

Я немедленно велел закладывать гнедую лошадку и через несколько минут мчался уже к моему другу.

– Что с Иваном Дмитриевичем? – быстро спросил я курьера.

– Ничего... – удивленно смотря на меня, ответил сторож. Я влетел в кабинет гениального сыщика.

Путилин сидел за письменным столом, проглядывая какие-то бумаги.

Он взглянул на меня и с улыбкой бросил:

– Я знал, что ты сейчас приедешь. Я ожидал тебя.

– Что с тобой? Ты заболел?

– Я? Наоборот, чувствую себя превосходно.

– Так что же это значит? – протянул я ему номер газеты.

Путилин усмехнулся.

– Ах, ты про эту глупую заметку? Мало ли что врут репортеры.

– Но откуда, скажи, они могли пронюхать об истории с гробом?

– А черт их знает...

Я подивился в душе тому безразличию и спокойствию, с каким мой друг отнесся к появлению в газете сенсационного разоблачения.

– Если ты свободен, приезжай, дружище, часа в три, – сказал Путилин.

В три часа я был у него.

– Пойдем. Я хочу тебе кое-что показать.

Глава VII. Итальянский ученый

Тот, кто никогда не бывал в «сыскных музеях», не может себе представить, какое это мрачное и, вместе с тем, замечательно интересное место!

Мрачное потому, что все здесь напоминает, вернее, кричит о крови, ужасах преступлений, самых чудовищных; интересное потому, что тут вы наглядно знакомитесь со всевозможными орудиями преступлений.

Какая страшная коллекция криминально-уголовных «документов». Чего тут только нет! Начиная от простой «фомки» и кончая самыми замысловатыми инструментами, на некоторых из них зловеще виднеются темно-бурые, почти черные, пятна старой запекшейся крови.

Ножи, револьверы, кинжалы, топоры, веревки, мертвые петли, «ошейники», пузырьки с сильнейшими ядами, шприцы, с помощью которых негодяи травили свои жертвы, маски, фонари с потайным светом.

О, всего, что тут находилось, немислимо перечислить!

Тут воочию вставала пред устранным взором вся, неизмеримая по глубине и ужасу, бездна человеческого падения, человеческой зверской жестокости, жажды крови.

Страшное, нехорошее это было место.

Посредине комнаты стоял знаменитый гроб лилового бархата. Путилин бросил на него быстрый взгляд, и, подойдя к нему, поправил подушку.

– Вот он, виновник моих злоключений!.. – задумчиво произнес он. – Правда, он выглядит все таким же, друже?

– Ну, разумеется. Что с ним могло сделаться? – ответил я, несколько удивленный.

– Ну, а теперь мне надо с тобой поговорить...

– Великолепно. Ты только скажи мне, для чего ты заказал вчера несчастному гробовщику второй гроб с двойным дном?

Путилин рассмеялся.

– Да так, просто фантазия пришла. Наказать его захотел. Конечно, это объяснение меня не удовлетворило.

Я чувствовал, что сделано это моим другом неспроста. Но для чего? Я, однако, решил об этом у него не допытываться.

– Так в чем дело?

– А вот видишь ли: не улыбается ли тебе мысль сделаться на сегодня, а, может быть, и на завтра, сторожем нашего музея?

Я от удивления не мог выговорить ни слова.

– Если да, то позволь мне облачить тебя вот в этот костюм. И с этими словами Путилин указал на форменное платье сторожа-курьера, приготовленное им, очевидно, заранее.

– Тебе это надо? – спросил я моего друга.

– Лично мне – нет. Я хочу доставить тебе возможность насладиться одним забавным водевилем, если... если только, впрочем, он состоится. Говорю тебе откровенно, я – накануне генерального сражения.

Я ясно видел, что Путилин был, действительно, в нервно-приподнятом настроении.

– Но ты, конечно, дашь мне инструкции соответственно с моей новой профессией, вернее, ролью? Что я должен делать?

– Ты останешься здесь. Лишь только услышишь первый звонок, ты придешь ко мне в кабинет. А там я тебе все объясню быстро и скоро.

Я начал переодеваться и вскоре превратился в заправского курьера-сторожа.

Мой друг напялил мне на голову парик, прошелся рукой искусного гримера по моему лицу и затем внимательно оглядел меня с ног до головы.

– Честное слово, доктор, ты делаешь громадные успехи! И покинул меня.
Прошло с час.

Я чувствовал себя, откровенно говоря, чрезвычайно глупо.

В сотый раз я осматривал знакомые мне до мелочей страшные орудия «музея».

Послышался звонок.

Я быстро пошел в кабинет моего друга, минуя ряд комнат. Я видел, с каким изумлением глядели на меня обычные сторожа сыскного управления.

– Откуда этот новенький появился? – доносился до меня их удивленный шепот.

В кабинете перед Путилиным стоял его помощник, что-то объясняя ему.

В руках Путилина была большая визитная карточка, которую он рассматривал, казалось, с большим вниманием.

Когда я вошел, помощник Путилина взглянул на меня недоумевающе.

– Вы разве не узнаете, голубчик, дорогого доктора, всегдашнего участника наших похождений?

Помощник расхохотался.

– Да быть не может? Вы?!

– Я.

– Ну и чудеса начинают у нас твориться!

– Скажи, пожалуйста, ты никогда не слыхал о таком господине? – спросил меня Путилин, подавая визитную карточку, которую держал в руке.

Я взял карточку и прочел:

ПРОФЕССОР ЕТТОРЕ ЛЮИЗАНО

**Член Римской Академии Наук,
занимающий кафедру судебной медицины**

Рим

– Не знаю... – ответил я.

– Скажите, голубчик, чего домогается этот господин? – обратился к помощнику Путилин.

– Он на плохом французском языке обратился ко мне с просьбой осмотреть, научных целей ради, наш криминальный музей. Наговорив кучу любезностей по адресу нашего блестящего уголовного сыска, он заметил, что в осмотре музея ему не было отказано ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции.

– Вы сказали ему, что разрешение осмотра музея посторонним лицам зависит от начальника, а что начальник, т. е. я, в настоящее время болен?

– Сказал. На это он ответил, что обращается с этой же просьбой ко мне как к вашему заместителю.

Путилин забарабанил пальцами по столу и выдержал довольно продолжительную паузу.

– Как вы думаете, разрешить ему осмотр?

– По-моему, отчего же нет. Неловко... Нас и так дикарями за границей считают.

– Хорошо. Теперь слушайте меня внимательно, голубчик: в середине осмотра вы должны выйти из комнаты под предлогом отдачи экстренных распоряжений. Идите! Вы впустите этого чудака-профессора не раньше, как я дам вам мой обычный условный звонок.

Помощник удалился.

– Слушай же и ты, докториус: сию минуту ступай туда и, лишь только во время осмотра мой помощник удалится, ты немедленно выйди за ним следом. Понял? Профессор на секунду останется один. Следи за часами. Ровно через две минуты иди в музей.

Я следил за часовой стрелкой.

Минута... вторая... Я быстро направился в «кабинет преступной музейности».

Он был пуст.

Я встал у дверей.

Где-то послышался звонок. Почти в ту же секунду дверь музея распахнулась, и в сопровождении идущего впереди помощника Путилина появилась фигура итальянского ученого-профессора.

Это был настоящий тип ученого: высокий, сутуловатый, с длинными седыми волосами, с огромными темными очками на носу.

– О, какая прелесть у вас тут! – шамкал на ломаном французском языке Еttore Люизано. – Какая блестящая коллекция! В Лондоне... А... скажите, пожалуйста, это что же? – И он указал на гроб, мрачно вырисовывающийся на фоне этой преступно страшной обстановки.

– Это – последнее орудие преступления, профессор! – любезно объяснил помощник Путилина.

– Гроб?!

– Да.

– О, какие у вас случаются необычайные преступления! – удивленно всплеснул руками итальянский ученый.

Начался подробный осмотр.

Профессор, живо всем интересуясь, поражал своим блестящим знанием многих орудий преступления.

– Боже мой! – шамкал он. – У нас в Италии точь-в-точь такая же карманная гильотина!

– Простите, профессор, я вас покину на одну секунду. Мне надо сделать важное распоряжение относительно допроса только что доставленного преступника... – обратился помощник Путилина к профессору.

– О, пожалуйста, пожалуйста! – любезно ответил тот.

Я направился следом за помощником.

– Так что, ваше высокородие... – проговорил я, скрываясь за дверью соседней комнаты. Прошло секунд пять, а может быть и минута. Теперь это изгладилось из моей памяти.

Вдруг страшный, нечеловеческий крик, полный животного, смертельного ужаса, прокатился из кабинета-музея.

Я похолодел.

– Скорее! – шепнул мне помощник Путилина.

Мы оба бросились туда и, распахнув дверь, остановились пораженные.

Гроб стоял приподнявшись!

Из него в полроста высовывалась фигура Путилина с револьвером в правой руке.

Около гроба, отшатнувшись в смертельном страхе, стоял – с поднятыми дыбом волосами – ученый-профессор.

Его руки были протянуты вперед, словно он защищался от страшного привидения.

– Ну, господин Домбровский, мой гениальный друг, здравствуйте! Сегодня мы квиты с вами? Не правда ли? Если в этом гробу я проводил вас, зато вы встретили меня в нем же самом.

– Дьявол! – прохрипел Домбровский. – Ты победил меня!..

На Домбровского одели железные браслеты. Он перед этим просил, как милости, пожать руку Путилину.

– Знаете, друг, если бы вы не были таким гениальным сыщиком, какой бы гениальный мошенник мог получиться из вас!

– Спасибо! – расхохотался Путилин. – Но я предпочитаю первое.

– Как ты все это сделал? – спрашивал я вечером Путилина. Триумф его был полный.

– Как?.. видишь ли. И объявление, и статья были делом моих рук. Это я их написал и напечатал. Гроб, который ты видел, был второй гроб, в дно которого я и спрятался. Я был убежден, что Домб-ровский, случайно оставивший изумруд в гробу, явится – при такой щедрой посуле – за ним. Когда мне подали карточку «профессора», я знал уже, что это Домбровский. Когда вы вышли из кабинета-музея, негодяй быстро подошел к потайной части гроба. Он лез за драгоценным кабошоном. В эту секунду я, приподняв фальшивое дно, предстал перед ним. Остальное тебе известно.